

---

# Миф и фольклор

---

Д. Разаускас (Вильнюс), Т. В. Цивьян (Москва)

## ИЗ МИФОЛОГИЧЕСКОГО БЕСТИАРИЯ: ЕЖ В КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ (БАЛТО-БАЛКАНСКИЙ АРЕАЛ)

Представленная здесь статья – наиболее полное (на данный момент) отражение исследований авторов, посвященных мифологии ежа (Разаускас, Цивьян 2004а, 39-40; Разаускас, Цивьян 2004б, 79-91; Цивьян 2006)<sup>1</sup>. *Еж* (*erinaceus*) – отмеченный персонаж мифологического словаря, и это, конечно, объясняется прежде всего его яркими внешними особенностями: иглы, способность сворачиваться в клубок<sup>2</sup>, не менее необычный способ «транспортировки» запасов (яблоки, виноград и т.д., наколотые на иглы). Славный зверек с блестящими глазками, слегка похожий на поросенка<sup>3</sup>, безобидный (никаких особо хищных устремлений у

---

<sup>1</sup> Здесь и далее речь идет только о земном (а не о морском) еже.

<sup>2</sup> Ср. *клубок* – *колобок* из русской сказки. Именно так он рекомендует себя у детского писателя-натуралиста Виталия Бианки: «Я лесной колобок – колючий бок» (специально о Колобке см.: Цивьян 2004, 309-321).

<sup>3</sup> По словам Филиппа Ганского, «Еж, собой дорожа, / Иглы-копья вострит. / С поросенком на вид / Он, прожорливый, схож» (цит. из: СБ 1984, 212, перевод Владимира Микушевича). Ср. две восточнославянские легенды о происхождении ежа, записанные в Черниговской области: *Чалавек нёс парася святое и уранив, и не углядел; а биг сабака и хател зъисти, так той парася зрабився ежаком; на вопрос, откуда произошел «ежак», рассказчик отвечает: Дак паску святили, и [один человек] нюс парася-свячоная. И загубиў [потерял], и ано не далось никому ў руки ўзяцца, и парася на ежака израбилася; в одном варианте легенды из этого же региона еж произошел из «заколдованного» поросенка (НБ 2004, 170, № 359, 360).*

насекомоядного ежа нет)<sup>4</sup> – все эти свойства предполагают его положительность, даже с учетом того, что фольклорно-мифологический персонаж, «переезжая» из одной традиции в другую, из одного реального и мифологического времени и пространства в другое (как и в пределах единства времени, пространства и традиции) может менять значение, вплоть до противоположного<sup>5</sup>.

---

Ср. русскую загадку о еже: *Четыре ноги, а рыло свинаячье* (Загадки 1968, 52, № 1295). При том в Восточной Африке ежу символически соответствует дикобраз (Тресиддер 1996, 489), ср. польское название дикобраза *jeżozwierz* (буквально ‘ежозверь’), в то время как названия дикобраза в других языках связывают его именно со свиньей: англ. *porcupine*, лит. *dygliakiaulė* (буквально ‘иглистая свинья’) и т.п. Впрочем, похож он и на собаку: у украинцев и поляков распространено поверье о существовании двух видов ежей, один со свиной мордой (и его можно есть), другой – с собачьей, и его нельзя есть (Гура 1997, 259). В английской литературе название ежа *hedgehog* искажалось соответственно то как *hedge-dog*, что может пониматься как ‘собака (у изгороди)’, то (например, у Шекспира в «Макбете») как *hedge-pig*, что может пониматься как ‘свинья (у изгороди)» (Funk & Wagnalls 1949, 487). Ср. в связи с собакой уподобление ежа волку в следующем литовском фольклорном тексте: *Kitą kartą senovėje suradę žmonės ežį, ir niekas negalėjęs jo pažinti. Tada pasikvietę jie vieną seną žmogų, kuris važinėjęs po visą svietaį ir buvęs nuėjęs ne tik bažnyčion, bet ir kalvon. Tasai gudrus senis labai švepliaęs ir šitaip pasakęs apie ežį: „Sens violks arbu pams vaks (senas vilkas arba pempės vaikas)“* ‘Один раз в старину нашли люди ежа, и никто не мог его узнать. Тогда позвали они одного старого человека, который ездил по всему свету и, бывало, ходил не только в церковь, но и на гору. Этот мудрый старик сильно шепелявил и так сказал о еже: «Стар вѣлк либу детень пигайцы (Старый волк либо детеныш пигалицы)»’ (Elisonas 1932, 151, № 1852).

<sup>4</sup> «Пугливое ночное животное», которое питается червями, лягушками, мышами и пр., а «на зиму погружается в спячку вплоть до весны» – так описывает ежа «Настольный энциклопедический словарь» (Гранат, 1900, s.v. *еж*).

<sup>5</sup> Из-за своих колючих игл еж нередко становится символом самозащиты или даже воинственности (Тресиддер 1996, 489; Jobses 1962, 742), ср. выше у Филиппа Танского: «Еж, собой дорожа, / Иглы-копья вострит», хотя, например, «на Мадагаскаре воинам запрещалось есть ежей, поскольку считалось, что привычка этих животных сворачиваться в комок в случае опасности может передаться бойцу, который ест его мясо» (ЭС 1998, 130; ср. Funk & Wagnalls 1949, 488). Ср. в этом отношении сказку 125 Е\* «Еж-богатырь»: теленок,

Действительно, еж в бестиариях предстает весьма многогранным, в каких-то отношениях неожиданным и в итоге – амбивалентным. Приведем некоторые примеры. С одной стороны, Аристотель в числе примечательных (положительных) «чувств» ежа называет следующее: «...во многих местах приходилось наблюдать, что, при перемене северных ветров на южные, живущие на земле меняют свои логовища, те же, которые воспитываются в домах, направляются к стенам, так что в Византии, рассказывают, один человек делал предсказания [погоды] на основании понимания того, что делал еж» (Аристотель 1999, IX.VI.49). В фольклорных традициях это свойство интерпретируется как свидетельство особого ума ежа, а в изложении Иоанна Экзарха – как свидетельство Божьего промысла и урок человеку: предусмотрительный еж делает два входа в свою нору, на север и на юг, и закрывает их попеременно, в

---

пообещав съесть ежа, накалывает язык и отбегает; еж хвалится ежихе, что он победил огромного зверя, должно быть, льва (СУС 1979, 73; возможно, в этом отражается следующий прием: теленку к морде привязывали ежевую шкурку (*ежевину*), чтобы «корова не давалась ему сосать» – Даль 1955, 517, s.v. *еж*). В латышской традиции колючая шкурка ежа символизирует ссоры: *Ja grib, lai kāds cilvēks visu gadu naidojas, tad jādabū eža āda un jāuzmauc uz tā cilvēka durvju klišķa, tad tas naidojas un badās kā eža āda* ‘Если хочешь, чтобы какой-нибудь человек целый год ссорился, надо достать шкурку ежа и надеть ее на дверную ручку [букв. клямку] этого человека, тогда тот будет ссориться и станет колючим, как шкурка ежа’ (Šmits 1940, 241, № 3834). В литовской традиции подчеркивается опять же самозащита: *Kai Dievas sutvėrė visus gyvulius, tai kiekvieną jų klausinėjo, kokių kam plaukių reikia. Ežys atsakė: „Duok man tokius plaukus, kuriais galėčiau nuo kiekvieno priešą apsiginti!“ Ir Dievas jam davė dyglius* ‘Когда Бог сотворил всех животных, у каждого из них стал спрашивать, какие кому нужны волосы. Еж ответил: «Дай мне такие волосы, которыми [я] мог бы от любого защищаться!» И Бог дал ему иглы’ (Elisonas 1935, 88, № 205). *Po sutvėrimui visų gyvulių ir paukščių ežys atsiliepęs: „Dieve, visiems davei šiltas skrandas, šviesias akis, greitas kojas, o man tai jau nieko!“ Dievas, išklausęs ežio rūgojimo, suteikė jam ant odos dygių akstinus, idant jį niekas negalėtų apveikti* ‘После сотворения всех животных и птиц еж подал голос: «Боже, всем [Ты] дал теплые шубы, ясные глаза, быстрые ноги, а мне – ничего!» Бог, выслушав ворчание ежа, дал ему на кожу колючие шипы, чтобы его никто не мог одолеть’ (LP, II, 2003, 28, № I.11). Также см. ниже.

зависимости от того, откуда дует ветер: *Някои си направили труд да наблюдават земния таралеж [и са установили], че той много предвидливо прави два входа на леговището си, като при северен вятър затваря този, който е откъм север, а когато духне южен вятър, затваряйки южния отвор, се премества към северния...* (Екзарх 1981, 264)<sup>6</sup>. К этому же хитрость ежа (известный сюжет о соревновании в беге, где зайца обгоняют разные звери, в том числе и еж, АТ 275А\*; в хорватской сказке «Еж и серна» еж не только обгоняет серну, но и обманывает волка, и т. д.)<sup>7</sup>. Показательно, что главным врагом ежа считается само воплощение хитрости – лиса, которая ухитряется скатить его в воду и таким образом заставить развернуться; тем не менее еж иногда представляется превосходящим в хитрости и саму лису: Архилох в одной из своих загадочных строк (Fr. 201) противопоставил его лисе, сказав, что *многое* знает она, а еж лишь *одно* – но «большое» (т.е. *основное, важное*): *πολλά οἶδ' ἀλώπηξ, ἀλλ' ἔχιδνα ἔν μέγα*.

«Согласно болгарской легенде, забытый Адамом и Евой еж благополучно свернулся в клубок и носился по волнам – он пережил потоп, и за это его называют *стара вяра*; ср. другие мотивировки этого народного названия: еж дольше всех живет на свете, он самый мудрый из всех животных» (НБ 2004, 227). Собственно говоря, важная демиургическая роль, отведенная ежу, о которой ниже и пойдет речь, основана именно на его особом уме и знаниях.

Плиний Старший хвалил ежа, как собирателя запасов, за осмотрительность; в раннехристианском «Физиологе» (*Physiologus*) о еже говорится, что «в винограднике он

---

<sup>6</sup> Ср. в английском *Poor Robin's Almanac* за 1733 г.: «Приглядысь, как устроено ежиное гнездо: глядит ли оно на север, на юг, на запад или на восток. Ибо старые люди говорят, что в этом году ветер будет дуть с противоположной стороны» (ЭС, 130; ср. Biedermann 2002, 119; Vries 1976, 246).

<sup>7</sup> Медленность/медлительность ежа отразилась в болгарской поговорке *Таралежът не обича бързата работа* и под. (БППХД 1972, 483). К этому рус. *желвь ежака не обгонит* или *черепаха ежа не выпередит*, приведенные в словаре Даля (Даль 1955, 516, s.v. *еж*).

добирается до гроздей и сбрасывает ягоды вниз... Потом он катается по земле, накалывает ягоды на свои иглы и относит их своим детенышам... Так и ты, член общины, приходи к истинному духовному винограду...» или, по словам Св. Василия, «подражай, человек, ежу! Хотя он и нечистое животное, но образ жизни его мил и приносит радость детям... Дорожи виноградными гроздьями истинного винограда, как словами Господа нашего Иисуса Христа, и учи им своих детей, чтобы они, в благом духе воспитанные, славили Отца небесного» (цит. по: Biedermann 2002, 119)<sup>8</sup>. В свою очередь, Петербургский бестиарий (английская рукопись XII в.), хранящийся в Российской национальной библиотеке, в качестве положительного примера приводит сюжет о еже, который приносит детям виноград, накалывая его на свои иглы: человек должен так же беречь свой «мысленный виноградник» (СБ 1984, 79, s.v. *еж*).

Но, как мы видели, еж был назван и «нечистым животным». К числу нечистых животных он отнесен в том же александрийском «Физиологе», на основании пророчества Исайи: «И превратятся реки его [Едома] в смолу, и прах его – в серу, и будет земля его горящею смолою: не будет гаснуть ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым ее; будет от рода в род оставаться опустелюю; во веки веков никто не пройдет по ней; и завладеют ею пеликан и *еж*; и филин и ворон поселятся в ней; и протянут по ней вервь разорения и отвес уничтожения» (Исаия 34, 9–11)<sup>9</sup>. К этому можно добавить, что на древнекоринфской вазе в сюжете «отправление Амфиарая» (который после неудачного похода провалился под землю вместе с колесницей) еж появляется в числе животных, связанных с дурными предзнаменованиями (в античной литературе этот сюжет не засвидетельствован) (LA 1979, s.v. *Igel*). В том же духе в ранних

---

<sup>8</sup> См. Metford 1983, 118 (s.v. *hedgehog*); Тресиддер 1996, 489.

<sup>9</sup> См. Becker 1995, 72; HSD 1986, 97. Стоит отметить противопоставление горизонтали и вертикали, верха и низа, что существенно и вообще, и в связи с разбираемыми далее мотивами, связанными с ежом.

латинских бестиариях еж, накалывающий виноград на свои иглы, уподобляется дьяволу, крадущему гроздь из виноградника человеческой души, см. в переложении Филиппа Танского:

«Ночью лакомка-еж  
Пробирается в сад,  
Где растет виноград...  
Нежеланный наш гость,  
Наилучшую гроздь  
Еж срывает с куста.  
Под кустом неспроста  
Еж, свернувшись клубком,  
Копшится тайком.  
Хочет он, прокурат,  
Нанизать виноград  
На иголки свои  
Для голодной семьи.

Книги нам говорят:  
Наливной виноград —  
Это сам человек.  
Остается навек  
Только наша душа,  
И весьма хороша  
Эта вечная гроздь.  
Еж, прожорливый гость, —  
Сатана-супостат.  
Он крадет виноград  
Человеческих душ.  
Волю Божью нарушь,  
И появится еж.  
К сатане попадешь»<sup>10</sup>.

Амбивалентность характеризует и ежа славянских средневековых бестиариев, где он обозначает то человека, заботящегося о друзьях и детях, то дьявола, опустошающего души людей; то добродетельного человека, которому не страшны бесы, то завистливых и злобных людей (Белова 1999, 103-104).

В подробном досье ежа в книге А. В. Гуры основное место уделено южнославянской традиции, в которой еж играет отмеченную роль. «В мифологических представлениях южных славян еж выделяется своими космическими функциями, связанными с сотворением мира. В других славянских зонах ежу присущи лишь различные магические и лечебные свойства. Согласно болгарским поверьям, еж самый мудрый из всех животных, потому что дольше всех живет на свете. Он знает все, что было раньше, и о чем люди давно забыли. Болгары Баната приписывают ежу демиургические функции: он дал совет “деду Богу, как

<sup>10</sup> См.: СБ 1984, 79, 212-213.

покрыть землю небом”. [...] Космическая деятельность ежа, равно как и его мудрость, раскрываются также в южнославянских легендах о женитьбе солнца: благодаря своей находчивости еж спасает весь мир от испепеления солнцем» (Гура 1997, 257-258) (еж предупреждает, что у солнца появятся дети, много маленьких солнц, которые сожгут все живое на земле, оставив только камни).

Другие сюжеты, например, превращение ежа в человека («Ганс мой еж», АТ 441) здесь не рассматриваются, поскольку в данном случае нас интересует демургическая роль ежа в мифах о творении мира, а именно, этиологические легенды о происхождении рельефа. Вторая особенность ежа – его иглы – также входит в сюжет творения мира, но реализует другие мотивы: там еж выступает то как хтоническое животное (нырятьщик за землей, приносящий ее на своих иглах), то как солярное (и тогда его иглы становятся лучами солнца).

В связи с описанием балканской модели мира и структуры «сжатого» горами балканского пространства, один из авторов статьи несколько лет назад обратился к примечательному балканославянскому и балканороманскому сюжету о еже-помощнике Господа при творении мира (Цивьян 1999, 25-29)<sup>11</sup>. Это известный сюжет о соперничестве Бога и дьявола, которое здесь получает особый поворот. В процессе творения возникает неожиданное осложнение. Земля и небо создаются по отдельности, и, по недосмотру Господа (или по коварству дьявола), земля оказывается больше неба, которое не может ее накрыть (землю и небо представляют в виде кастрюли или глубокой сковороды, накрытой выпуклой крышкой). Удивительно, но Господь не может выйти из затруднения самостоятельно<sup>12</sup>. Анализируя этот сюжет на материале южнославян-

---

<sup>11</sup> Ср. теперь основательный анализ этих сюжетов на материале восточно- и южнославянской традиции в: Кузнецова.

<sup>12</sup> Хотя есть и вариант, где Господь сам догадывается, как уменьшить землю: сначала Господь сделал землю плоской; потом сделал небо, чтобы накрыть им землю сверху, как крышкой; земля оказалась больше

ской и румынской традиций, М. Элиаде сравнивает Господа с архаическим *deus otiosus*, т.е. с богом, уставшим от творения и «удалившимся на покой»: иначе трудно объяснить его промах и неспособность решить задачу самому, не обращаясь к чужой помощи (Eliade 1970, 89-93). Итак, Господь нуждается в советчиках и помощниках, и ими оказываются дьявол<sup>13</sup> и/или *еж*. Господь посылает за информацией курьера – крылатое насекомое, прежде всего пчелу (но и муху), или птицу. Полет с поручением Господа предполагает движение сверху вниз, с неба на землю (и обратно), и это дополнительно подчеркивает хтоничность ежа.

Интересны причины, по которым возникает несоответствие в размерах. Иногда оно возникает самопроизвольно: земля, изначально плоская, как поднос, начинает расти сама собой (Георгиева 1983, 29). В варианте «нырятьщик за землей», где в этой роли выступает выполняющий поручение Господа дьявол, ему удается вынести со дна моря на поверхность лишь немного земли под ногтями. Из нее Бог делает землю, которая чудесным образом начинает расти. Тут-то дьявол и принимается за свои козни – пробует сбросить Господа в море, а когда это ему не удается, пытается вытащить из-под него, спящего, землю. Однако земля начинает растягиваться и в результате «перерастает» небо, которое не может ее накрыть (а совпадение земли и неба по размерам – необходимое условие космической гармонии). Господь не знает, как выйти из положения, и тогда, в одной из версий, на сцену выступает еж. Пружиной сюжета оказывается способность ежа сворачиваться в клубок и тем самым уменьшаться. Он на своем примере показывает, как надо свернуть землю, чтобы она уменьшилась (Ковачев 1914, 49, 53). В результате появляются горы и долины<sup>14</sup>.

---

неба; Господь думал-думал и придумал стиснуть ее с двух сторон (Пл 1969, 17).

<sup>13</sup> Но и святые: св. Николай, св. Илия, св. Петр.

<sup>14</sup> Возможно, свою роль играет и то, что у свернувшегося клубком ежа иглы встают торчком (как «горь»); еще об отношении ежа к горе см. ниже.



Итак, еж выступает как чудесный помощник, и, казалось бы, сюжет должен окончиться наградой ему за помощь. Так и происходит – но далеко не во всех версиях, поскольку начинает проявляться амбивалентная природа ежа<sup>15</sup>, который в одной из своих ипостасей связан с дьяволом и даже выступает в его роли. «Безусловным» чудесным помощником оказывается пчела, которой удается выведать (или подслушать) у ежа способ уменьшения земли, за что Господь ее благословляет. В результате этих сюжетных перипетий образуются две антагонистические пары, *Господь & пчела vs дьявол & еж*. См. вариант, записанный в Етрополе:

*Когато Господь направил небето и земята, земята направил по-голема, та небето не можало да я покрие. Господь видел, че дявол приказва нещо на таралежа, та проводил пчелата да ги слуша какво си говорят. – «Не знае Господь, говорил дяволът на таралежа, да вземе един прът, та да шиба земята, да шиба, да станат долини върхове, долини върхове; тогава земята ще стане по-малка, и небето ще може да я покрие». Пчела, като чула това, отишла та обадила на Господа. Тогава Господь направил долините и върховете на земята, та небо я покрило, и тогава благословил пчелата... 'Когда Господь сделал небо и землю, землю он сделал больше, и небо не могло ее накрыть. Господь увидел, что дьявол что-то говорит ежу, и послал пчелу послушать, что они говорят. «Не знает Господь, говорил дьявол ежу, что надо взять прут и стегать землю, стегать, чтобы появились долины и горы, долины и горы. Тогда земля станет меньше, и небо сможет ее накрыть». Пчела услышала это, улетела и рассказала Господу. Тогда Господь сделал на земле долины и горы и тогда благословил пчелу...» (Иванов 1970, 336).*

В приведенном варианте ежа можно упрекнуть только в «недоносительстве» (совет исходит от дьявола), а его свойство сворачиваться в клубок не упомянуто. В другом болгарском варианте совет стегать землю дает сам еж. Господь делает это, земля *се свива* «скручивается, свора-

<sup>15</sup> Об этом см., в частности: (Раденковић 1996, 174–177).

чивается», но становится безобразной, и Господь проклинает ежа, чтобы тот сворачивался так же, как земля (Георгиева 1983, 29).

Перейдем к восточнороманской традиции, где собран весьма репрезентативный материал<sup>16</sup>, см. один из вариантов:

*Da să-ți spui una tot cu pământu dă cîn l-a făcut Dumnizieu. Pământ a fost mai mult și cer mai puțin. Dumnizieu n'a știut ce să facă ca să cuprinză cu ceru pământu. A 'ntrebat pă toate și n'a știut nici-o dobitoacă să-i spuie. Hariciu a fost stînd în un bordei. Dumnizieu a trimes albina la iel. "Mă hariciule, ce să-i facă la atîta pământ?" "Ce mă 'ntrebați, parcă io știu, un giemuit ca mine!" Albina bîz! pă ușă. Iel n' fost vâzînd-o ș'a fost zicînd: "Ce mai g'ne la mine! Ia să-l facă mog'ile, munți mari, văi adînci ș-o să stringă pământu". Albina fugi la Dumnizieu și i-a spus cum vorg'ia singur. Și d'aia l-a blestemat Dumnizieu: "Giemuit ai fost, giemuit să h'ii!". Da ie păcat să omori hariciu, că iel a măsurat pământu... 'Расскажу тебе о земле, когда ее сделал Господь. Земля была больше, а небо меньше. Господь не знал, что делать, чтобы накрыть землю небом. Спрашивал у всех, но не нашел ни одного животного, которое бы ему это сказало. Еж сидел в норе (землянке). Господь послал к нему пчелу. «Эй, еж, что делать с такой (большой) землей?» «Что вы спрашиваете меня, такого клубочка!» Пчела ж-ж-ж-! к двери. Он ее не заметил и сказал: «Чего надо от меня! Если он хочет сделать холмы, высокие горы, глубокие долины, пусть сожмет землю». Пчела понеслась к Господу и рассказала, что он говорил сам себе. И из-за этого Господь его проклял: «Скрюченным был, скрюченным и оставайся!» (Istrătescu 1928, 345; текст приводится в упрощенной транскрипции).*

В другом варианте способность сворачиваться в клубок и катиться колесом выступает как награда за помощь в

---

<sup>16</sup> См. сводку в: Petriceicu-Hasdeu 1974, 353-354; Pamfile 1913, 31-35, 38-40; в одном из вариантов совет Господу дает не еж, а гадока (мотив отношений ежа и змеи должен быть рассмотрен особо).

создании рельефа (до этого еж «ходил ногами», *mergea on picioare*) (Petriceicu-Hasdeu 1974, 353).

Образ *еж-клубок*, к тому же клубок, утыканный иглами (обычное представление ежа в загадках приводит к клубку ниток с иглками<sup>17</sup>) имеет свое мифологическое развитие. Вероятно, этот образ соединил одну из версий румынской космогонии с известным и в других традициях мотивом создания мира с помощью ткачества (MacLagan 1977, 92): *urzirea lumii* 'навивание мира'. Мир ткут, изготавливая две отдельные основы – для неба и для земли. Основы не совпадают по размеру, земля оказывается больше неба, далее по уже приведенному клише: за советом Господь обращается к ежу, также через посредника, также обычно через пчелу, еж ломается, отказываясь отвечать, пчела подслушивает, что он сам себе бормочет насчет сворачивания в клубок, и сообщает Господу; в наказание еж остается скрюченным в клубок, *ghimotoc*. Разница с предыдущими вариантами состоит в том, что там земля сделана из грязи, а здесь сплетена из ниток. Примечательно, как оба мотива «сплелись» в одной из версий: «Земля сделана лягушкой по поручению Господа: лягушка приносила во рту воду, этой водой замешивали землю вместе со стеблями крапивы (*urziță*), из этой смеси был создан/навит (*urzit*) мир» (Pamfile 1913, 25).

Мотив клубка ниток получает в восточнороманской традиции и дальнейшее развитие. Не дьявол, а еж становится вторым участником космогонии. Господь выбирает его в помощники: сам он навивает небо, а ежу дает клубок ниток для земли. Еж не может рассчитать размер навоя, в результате земля оказывается больше, чем небо (Pamfile 1913, 22). Другой вариант – этими нитками еж, по поручению Господа, измеряет землю, он, таким образом, становится первым «землемером», и поэтому его нельзя убивать (Istrătescu 1928, 345; Mușlea, Bîrlea 1970, 283, и

<sup>17</sup> Ср. русские загадки: *Под кустами, под елками катится клубок с иголками; Под дубочком, под листочком свился, скрючился клубочком; Нам нужны иголки для шитья, а кому для жилья?; Не портной, а с иголками не растается; Ползун ползет, иглы везет; Иголки при себе носит, шить не умеет* (Загадки 1968, 52, № 1289–1294).

др.). При всем том, еж, конечно, тяготеет к хтоническим животным, и об этом свидетельствует не только его связь с дьяволом, не только то, что он является «специалистом по земле» (и никогда – по небу), но и один весьма интересный румынский сюжет, в котором еж выступает как бы в роли подземного животного: для создания рельефа, говорит он, надо походить под землей, чтобы она вспучилась (Vulcănescu 1985, 244-245)<sup>18</sup>.

Материал, приведенный выше, относится к той версии балканской космогонии, которая традиционно связывается с богомильской традицией, сплавленной с фольклором; она известна по средневековым южнославянским и восточно-романским легендам, датируемым XII-XIII вв. Богомильская (манихейская) основа определяет дуализм, на котором построен сюжет: контакт и конфликт злого и благого начала. Господь и дьявол создают мир вместе, но первоначальное сотрудничество нарушается кознями дьявола, кончающимися его поражением. Поскольку, как уже было сказано, еж может заменяться дьяволом, наш сюжет, по мнению исследователей (прежде всего Й. Иванова), естественным образом вписывался в богомильство. С этим был решительно не согласен Мирча Элиаде. Приведя географию легенды, он подверг сомнению ее богомильское происхождение. Во-первых, этот миф не входит ни в один богомильский текст. Во-вторых, он не засвидетельствован ни в Сербии, ни в Боснии и Герцеговине, при том, что Босния вплоть до XV в. была важным богомильским центром. Далее Элиаде показывал причудливую мозаику, сложенную по следующему принципу: там, где манихейские течения были (например, катары в Западной Европе), этого мифа нет; напротив, где манихейских течений не было (Украина, Россия, Балтия), он есть. Из этого Элиаде сделал вывод (правда, с вопросительным знаком), что перед нами

---

<sup>18</sup> Более отдаленно к этому – ритуал закапывания живого ежа, магическое средство, применяемое в ситуациях, связанных со смертью (Радснковић 1996, 175-176). Ср. поверье о еже, относящееся в равной мере и к к р о т у, что «если он увидит свою собственную тень, он скрывается в своей норке, и зима будет продолжаться еще шесть недель» (Vries 1976, 246).

дуализм не богомильский, а «славянский». При этом в зороастризме, на котором по большей части основывалось манихейство, при делении животных на чистых, принадлежащих Богу, и нечистых, принадлежащих Дьяволу, еж, согласно свидетельству Плутарха (*De Iside*, 369d), относится к первым, т.е. является Божьим животным (Zaehner 2003, 124), а вовсе не дьявольским.

Во всяком случае, можно было бы принять компромиссный вариант, «дуализм богомильского толка»: все-таки речь идет не о борьбе добра со злом, а о борьбе Господа и дьявола, происходящей по вполне манихейской модели. Ср. сходную ситуацию в русской традиции: «Библейские повествования о миротворении своеобразно уживались в народном восприятии с наследием дохристианских и апокрифических источников. Одна из наиболее заметных черт такого симбиоза – дуалистичные в своей основе рассказы об участии дьявола в творении мира», – говорится в комментариях к соответствующим преданиям, записанным на севере России. «Это происхождение гор из “выхаркнутого” морской птицей на первоначально ровную поверхность того остатка земли, который она утаила от Господа во рту, и который начал расти: *Она выхаркнула. И сделались от того горы по всей земле. А если бы она не утаила, то не было бы и гор.* Это борьба Саваофа и Сатаны, где тот же мотив расширяется за счет их соревнования, причем Сатана гораздо более динамичен и инициативен, а Саваоф всегда “опаздывает” и спохватывается в последний момент» (ср. мотив битья по каменной горе, отдаленно связанный с мотивом битья земли для образования гор и др.) (НП 1992, 578-579, 453-454). Однако наличие этого сюжета в балтийской традиции, где соответствующие персонажи (*Dievas, Dievs* ‘Бог’ и *Velnias, Velns, Vels* ‘Черт’) куда архаичней христианских, в том числе апокрифических, ставит опять же влияние богомильства под сомнение.

Предполагается, что репертуар соответствующих балканских текстов может быть значительно расширен. Приведем хотя бы сербский (Шумадия) пример этиологического предания *Како су постала брда и планине* («Как

появились холмы и горы») (Марковић 2004, 75): *Кад је Бог стварао земљу ђаво и анђео су били браћа, и земља е тад била све равна. Владао је анђео и све је то била равница и то је била милина. Кад, ђав'о реко: «Дај брате да и ја мало владам – бар четресосам сати». «Ма не могу!» «Ма дај ми, какав си ми брат а не даш ми да бар четресосам сати ја будем главни?!» И анђео се превари и даде му да он влада земљом. И он, кад поч'о он да влада, направио одма' тресибрда, планине, воду, ливаде, камење, све он то претумбо – како је он хтео! И зато се каже: «Ма, ђавоља посла!»* 'Когда Бог сотворил землю, дьявол и ангел были братьями, и земля тогда была вся ровной. Владел ею ангел, и все это была равнина, и это была красота. Как-то дьявол сказал: «Дай, брат, и мне немного повладеть, хотя бы сорок восемь часов». «Ну, не могу!». «Ну, дай мне, какой же ты мне брат, если не дашь мне хоть сорок восемь часов, чтобы я был главным?!». И ангел попался на обман и дал ему владеть землей. И тот, как начал властвовать, сразу же сделал холмы, горы, воду, луга, камни, все это он перетряс – как он и хотел! Поэтому и говорится: «Ох, послал дьявола!»<sup>19</sup>.

«Богомильские» предположения, как кажется, имеют право на существование еще и потому, что соответствующие сюжеты на другом конце ареала, в Балтии, имеют иную окраску и иное развитие (то же и для не-балтийских вариантов, см. далее).

В Литве этиологическая легенда о том, как еж посоветовал Богу сжать землю, чтобы небо могло ее накрыть, засвидетельствована только в одном случае, записанном в северо-восточной части страны, в Зарасай (LTR 2115/63/): *Kai Dievas tvėrė dangų ir žemę, sutvėrė pirma žemę, o paskui dangų. Dirbo nepamieravęs ir, kai norėjo dangum apvožti žemę, tai dangus buvo kur kas mažesnis už žemę. Ir nėra kas*

---

<sup>19</sup> Уже Памфиле указывал на богомильское происхождение мотива о соперничестве Господа и св. Андрея (ангела), который стал таким же могущественным, как Господь, и был низвергнут в воды (Pamfile 1913, 28).

*daryti Dievui: nei kitas dangus dirbti, nei šitas padėt. Tai Dievui patarė ežys: „Paimk, sako, žemę, sumyk, tai ji susispaus, pasidarys mažesnė, ir bus gana dangaus“. Paklausė Dievas ežio ir žemę pamygo rankose. Nuo pamygimo žemėj pasidarė nelygumai – kalnai. Bet užtat užteko dangaus žemei apvožti. Ir tada sujungė Dievas dangų su žeme. Ežiui už gerą patarimą davė Dievas geras adatas apsiginti nuo priešų* ‘Когда Бог творил небо и землю, сначала сотворил землю, а потом небо. Работал без мерки и, когда хотел небом накрыть землю, небо оказалось намного меньше земли. Что делать Богу: ни другое небо сделаешь, ни это поставишь. Тогда Богу посоветовал еж. «Возьми, – говорит, – землю, стисни, тогда она сожмется, станет меньше, и будет неба достаточно». Послушался Бог ежа и стиснул землю в руках. От стискивания на земле появились неровности – горы. Но зато хватило неба, чтобы землю накрыть. И тогда соединил Бог небо с землей. Ежу за хороший совет дал Бог хорошие иглы, чтобы от врагов защититься’ (Kerbelytė 1977, 129-130)<sup>20</sup>.

Б. Кербелите отмечает отличие Господа из литовского предания, sc. из архаических народных традиций, от библейского Творца, конечно, не нуждавшегося ни в каких советах и помощниках (Там же)<sup>21</sup>. Так еще раз подтверждается мысль Элиаде о *deus otiosus*, высказанная им и в связи с латышским сюжетом, который он пересказывает, ссылаясь на Денхарта: «Бог слишком растянул землю, и небесный свод не мог ее покрыть. Еж, который как раз проходил мимо, спросил у Бога причину его огорчения. Бог рассказал ему о своей космической неудаче, и еж его успокоил: “Ничего страшного, надо только немного сжать землю, и она поместится под небесным сводом”. Сжав землю, Бог создал таким образом горы и долины. В награду он дал ежу одежду из иголок, чтобы ни один враг не смог к нему приблизиться» (Eliade 1970, 90).

<sup>20</sup> Отдельно об иглах как средстве защиты см. выше.

<sup>21</sup> См. еще: Кербелите 2001, 45 (1.1.1.17. Бог сотворил небо меньшим, чем земля. По совету ежика, Бог сжал землю – она стала неровной).

Приведем несколько оригинальных записей этого хорошо известного в Латвии сюжета:

*Kad zeme bij radīta, tad – ko domāt – tā negājusi apakš debess velves. Kur nu tādu lielu ripu likt? Pašu laiku pienācis arī ezis, ievaicādamies: kas te par nelaimi īsti esot? Tā un tā – zeme būtu gatava, bet nevar apakš debess apaļuma pabāzt un nost skaldīt arī netiktos. «Tā maza lieta!» ezis atteicis, «ripa jāspiež drusku kopā, šaurāka, gan tad derēs.» Labi! Dievs tūliņ saspiedis ripu mazāku un nu viegli jo viegli pabāzis apakš debesīm. Tikai, kopā spiežot, vietām krunkas gadījušās: tie ir tagadējie kalni un lejas. Bet Dievs par tādu gudru galvu ezim dāvinājis varenu apģērbu no tūrām adatām, lai neviens uzbrucējs viņam netuvotos 'Когда была создана земля, – подумать только! – она не подходила под небесный свод. Куда же такую большую лепешку девать? В это самое время подошел еж и спросил, что за беда? Так вот и так – земля была бы готова, но не подходит под небесный колпак, а куски отбивать не годится. «Пустяки!», – ответил еж, – «лепешку надо немножко стиснуть, чтобы она стала уже, тогда подойдет». Так! Бог сейчас же стиснул лепешку поменьше и совсем легко подсунул под небо. Только когда он сжимал, местами появились складки – они и есть теперешние горы и долины. А ежу за такой ум [!] Бог подарил плотную одежду всю из игл, чтобы никто не мог на него напасть' (ЛТТ 1991, 65)<sup>22</sup>.*

*Senos, vecos laikos, kad Dievs bija radījis zemi, tad pašam zemes radītājam bija lielas bēdas, jo zeme bija iznākusi vairāk nekā viņš to bija vēlējis. Nu Dievs prātoja, ko darīt ar lieko zemi? Tā prātojot, pienāca klāt ezis un jautāja: «Ko nu, Dieviņ, tā prāto, pieri saraucis?» Dievs nu šim izstāsta, ka zeme esot iznākusi vairāk nekā viņš to ir vēlējis. Tad ezis sacīja uz Dievu: «Zini ko, es tev varu dot labu padomu šajā lietā!» Dievs priecīgi iesaucās: «Nu, kādu?» Ezis teica: «Ņem no vienas vietas zemi un ber izrakto zemi otrā vietā gubās.» Dievs ļoti priecājās par eža gudro padomu un darīja, kā ezis bija mācījis; un nu radās jūras un kalni. Dievs sacīja uz ezi: «Par*

<sup>22</sup> Перепечатанно из: LPT, V, 50; записал А. Lerhis-Puškaitis. Это же сказание приводит Шмитс: Šmits 1926, 109-110.



šo gudro padomu kā atalgojumu es tev došu zelta spalvas.» Bet ezis tam atbildēja: «Es neesmu tik lepns kā tu un nevēlos zelta, bet dod man kažoku ar adatām, kas man var noderēt kā aizsargs pret ienaidniekiem.» Dievs iedeva ezim kažoku ar adatām, ko eži vēl šo baltu dien' valkā 'В старые давние времена, когда Бог только что сотворил землю, у самого творца земли возникла большая беда, так как земля получилась больше, чем он хотел. Вот Бог и думает, что же делать с такой большой землей? В это время подошел к нему еж и спрашивает: «О чем же, Боже, так думаешь, наморщив лоб?» Бог ему и рассказал, что земля получилась больше, чем он хотел. Тогда еж говорит Богу: «Знаешь что, я тебе могу дать хороший совет в этом деле!» Бог радостно воскликнул: «Какой же?» Еж сказал: «Возьми земли с одного места и высыпь выкопанную землю в другом месте в кучи». Бог очень обрадовался мудрому совету ежа и сделал так, как его научил еж; так произошли моря и горы. Бог сказал ежу: «За такой мудрый совет в виде вознаграждения я дам тебе золотую шерсть». Но еж ему ответил: «Я не такой великолепный, как ты, и мне не нужно золота, а дай мне шубу с иглами, которая мне пригодится как защита от врагов». Бог дал ежу шубу с иглами, которую ежи носят и по сей день' (LTT 1991, 65-66)<sup>23</sup>.

*Pirmajos laikos, kad Dievs jau bija radījis debesis, zemi un visus citus radījumus, tas allaž staigāja pa zemes virsu, sarunādami ar saviem radījumiem. Tā reiz, zemi pārtstaigādams, tas ievēroja, ka zeme par lielu un visu nevarot viņa radījumi apdzīvot. Tas pārdomāja, kā zemi varētu pamazināt, jo jūrā gremdāt vairs negribēja, tādēļ ka jūra jau tā bija diezgan liela. Tā domādams un lēni iedams, tas satika ezi, kam toreiz bija viscaur vēl tāda mīksta, pelēka spalva, kā tagad zem vēdera. Dievs izstāstīja savas domas ezim, tam padoma prasīdams. Ezis teica: «Zemi vajaga saraut kroķēs – t. i., kalnos.» – tad tā tikšot mazāka. Šitais eža gudrais padoms Dievam labi patika, un tas arī tā darīja: zemi sarāva kroķēs, un tā cēlās kalni. Bet ežam par padomu Dievs solīja dot to, ko tikai vien viņš pagērēšot. Ezis, grezns būdams; lūdza, lai Dievs*

<sup>23</sup> Записал А. Клапкэлнс в 1930 г.

*dotot pelēko svārku vietā zelta svārkus; teikdams, ka arī no skaistuma daudz nelaimes ceļoties. Ezis bija iesākumā par saviem zelta svārkiem itin priecīgs, bet drīzi viņa prieki pārvērtās bēdās: jo nu visi cilvēki sāka gūzīt ezi zelta svārku dēļ, kur un kā tikai vien varēdami, – vienmēr tas bija dzīvības briesmās. Nabadziņam ežam vajadzējis slapstīties slepenākajās vietās, un arī tur tas nebija drošs. Šādu dzīvi apnicis, tas gāja prie Dieva lūgt, lai dodot atpakaļ vecos svārkus vai arī tādus, ka to neviens nevarētu aiztik. Dievs viņa lūgumu paklausīja un teica: «Es tev došu tādus svārkus, ka tevi neviens neaizskars!» un dāvāja tam tagadējās adatas* ‘В изначальные времена, когда Бог уже сотворил небо, землю и всех других тварей, он любил расхаживать по поверхности земли, разговаривая со своими тварями. Так один раз, расхаживая по земле, он увидел, что земля слишком велика, и всю ее никак невозможно его тварями обжить. Он стал размышлять, как же землю уменьшить, однако в море топить уже не хотел, поскольку море уже и так было достаточно велико. Бредя в этих раздумьях, он встретил ежа, который в то время весь был покрыт такими же мягкими серыми волосами, какие теперь у него на брюхе. Бог рассказал ежу свои мысли и попросил у него совет. Еж сказал: «Землю нужно стянуть в складки – т.е. горы!» – так она станет поменьше. Этот мудрый совет ежа Богу очень понравился, и он так и сделал: землю стянул в складки, и так появились горы. А ежу за совет Бог пообещал дать все, что только он потребует. Еж, будучи щёголем, попросил, дай, Боже, вместо серого кафтана золотой. Бог послушал ежа и дал ему золотой кафтан, сказав при этом, что от красоты бывает много бед. Еж поначалу был очень рад своему золотому кафтану, но скоро его радость превратилась в горе, так как все люди стали ловить ежа ради его золотого кафтана, где и когда только могли, и его жизнь постоянно была под угрозой. Бедняге ежу приходилось прятаться в самых укромных местах, но и там он не был в безопасности. Устав от такой жизни, он пошел к Богу просить, чтобы тот дал ему либо прежний кафтан, либо такой, чтобы никто не смог бы его тронуть. Бог выслушал его просьбу и сказал: «Я дам тебе такой кафтан, что тебя

никто не заденет!» и подарил ему теперешние иглы' (LTT 1991, 66)<sup>24</sup>.

В следующем сказании симптоматически на месте ежа выступает *Velns* (Черт): *Senos laikos, kad zemes vēl nebijis, Dievs iedomājies taisīt zemi. Viņš taisījis to gludu un līdzenu bez kādiem uzkalniem, bet izrādījies, ka tā zemes materiāla ir par vairāk, visu nevarēs zemes bumbā izlietot un atliksies pāri, un nezinās, kur to likt. Tad pienācis Velns un mācījis: «Sagrūd zemi kroķēs. Tad ne pietrūks, ne atliks.» Dievs tā darījis, un viss zemei sagādātais materiāls izgājis. Bet uz zemes iznākuši kalni un lejas* 'В давние времена, когда еще не было земли, Бог задумал создать землю. Он сделал ее гладкой и ровной, без каких-либо холмов, но оказалось, что материала для земли слишком много, весь [он] не сможет в клубке земли использовать, и останется лишний, и Бог не будет знать, куда его девать. Тогда подошел Велнс (Черт) и научил: «Стисни землю в складки. Тогда будет в самый раз». Бог так и сделал, и на это ушел весь заготовленный для земли материал. Но на земле появились горы и долины' (LTT 1991, 67)<sup>25</sup>.

Появление Черта может быть объяснено тем, что и в других близких космогонических (этиологических) сказаниях он выступает либо в качестве причины появления рельефа, либо непосредственно в роли создателя гор, скал, камней и неровностей земли вообще (в том числе долин, рек, болот и т.п.); иногда Черт сжимает землю собственноручно<sup>26</sup>. Таким образом, взаимозаменяемость ежа и черта, по меньшей мере в контексте данного сюжета, никак не может быть случайной. Заметим, что и в литовском

---

<sup>24</sup> Перепечатанно из: LPT, XIII, 13; записал М. Шиминыш в 1891 г.

<sup>25</sup> Никакой дополнительной информации не приводится, кроме места записи: *Rīgas Birzgalē*.

<sup>26</sup> См., например, LTT 1991, 64; TPD 1929, 5. Возникновение рельефа через сжатие, стискивание, комканье земли, но без участия ежа, – отдельный сюжет, широко представленный в балтийской традиции (см.: Razauskas 2001, 39–41). Ср. русские симбирские, орловские сюжеты о сжатии земли совместно Богом и дьяволом или Сатаной (НБ 2004, 112).

фольклоре черт иногда (например, в LTR 350/252/) выступает в облике ежа (Vėlius 1987, 44).

В большинстве приведенных выше текстов речь идет о происхождении игл у ежа. Об этом же говорится и в сказаниях совершенно иного типа. Например: *Ežį Dievas sukūrė kaip ir kitus gyvulius ir davė jam labai švelnius plaukus. Ežys tais plaukais labai didžiavosi. Vieną kartą jis, eidamas pro eglę, įsidūrė į jos spyglius snukį, labai supyko ir pradėjo bartis ant Dievo. Paskum kreipėsi į eglę sakydamas:*

– *Kad tu turėtum tokius švelnius plaukus, kaip aš, tai ir šakas aukščiau laikytum, o kad turi tokius aštrius ir negražius, tai ir laikai juos žemai nulenkus, kad praeiviai susibadytų.*

*Dievas supyko ant ežio ir sako:*

– *Kad tu taip pasididžiuoji savo švelniais plaukais ir pyksti ant tų, kurie turi aštrius plaukus, tai tu nuo šios dienos turėsi juos dar aštresnius kaip šios eglės spygliai!*

*Nuo tos dienos ežys ir turi aštrius plaukus, už kuriuos, nuolatos kukendamas, ir barasi ant Dievo.*

‘Ежа Бог сотворил как и других животных и дал ему очень мягкие волосы. Еж этими волосами очень гордился. Один раз он, проходя мимо ели, уколол ее иглами морду, очень рассердился и стал ругать Бога. Потом обратился к ели и сказал:

– Если бы у тебя были такие мягкие волосы, как у меня, ты и ветви держала бы повыше, а поскольку они у тебя такие колючие и противные, так ты и держишь их, низко опустив, чтобы прохожие укололись.

Бог рассердился на ежа и говорит:

– Раз уж ты так гордишься своими мягкими волосами и ругаешь тех, у кого волосы колючие, так с этого дня они у тебя будут еще колючее, чем иглы этой ели!

С того дня волосы у ежа колючие, за что, непрестанно бормоча, он и ругает Бога’ (KAŽ 1986, 54, № 83; Elisonas 1935, 88-89, № 206)<sup>27</sup>.

---

<sup>27</sup> С уподоблением игл ежа волосам мы еще встретимся далее; ср. употребление в античности мяса ежа как средства от выпадения волос, «поскольку его иглы напоминали крепкие волосы» (Biedermann 2002, 118).

Отметим, что здесь отношения ежа с Богом полностью противоположны тому, что мы видели выше (что вообще соответствует его связи с Чертом<sup>28</sup>; ср. при этом рус. *волос* : *Волос*<sup>29</sup>), а колючая шкурка ежа является не наградой, а наказанием.

Обратимся теперь к солярной теме «балканского» и «балтийского» ежа. В балканославянской традиции, как мы видели, еж спасает землю от испепеления солнцем (препятствуя его свадьбе и рождению бесчисленных маленьких солнц). В литовском солярном сюжете иглы ежа отождествляются с солнечными лучами, а сам еж, следовательно, – с солнцем (ср. выше первично золотую шерсть или золотой «кафтан» латышского ежа): *Pradžioj gyvūlėliai, kur katras pirmą naktį gulėjo, tokias vilnas ar plaukus ir įgavo. Ežys ant kalno pasistebėjęs į saulę tekančią žaruo tą – už tai ir jo dygliai kaip žarai* ‘В начале животные получили разные шерсть или волосы в зависимости от того, кто где лежал в первую ночь. Еж на горе удивился восходящему солнцу, всему в лучах, – поэтому и его иглы как лучи’ (KAŽ 1986, 54, № 84; LT, IV: PSPO 1967, 436, № 358; LP, I, 13 (запись 1874 г.)).

*Pradžioj, pirmą naktį po sutvėrimo, visi gyvūlėliai, kur katras gulėjęs, tokius ir plaukus apturėjęs. Tai tada ežys buvęs ant kalno. Pamatęs dieną auštant ir stebėjęsis į saulę tekančią – iš to ir palikę jo šeriai dygliuoti, žaruo ti* ‘В начале, в первую ночь после творения, все животные, кто где лежал, такую шерсть и волосы и получил. Так вот, еж тогда был на горе. Увидел он зарю [наступающего] дня и стал дивиться восходящему солнцу – от того и стала его щетина колючей, лучистой’ (LP I, 33, № I.17).

*Galbūt kada pirmą kartą saulė tekėjo, tada kur koks gyvūlėlis stovėjo arba gulėjo, tai tokius plaukus sau gavo, kaip va: ežys*

---

<sup>28</sup> Показательно, что литовский еж одновременно связан и с Громовержцем Перкунасом, см.: Valys I, 1998, 53. Ср. вывешивание шкурки ежа от града в античности (Biedermann 2002, 119).

<sup>29</sup> Об отношении противника громовержца Велеса / Волоса к волосам см. Иванов, Топоров 1973, 49-50 и далее; Иванов, Топоров 1974, 50-53 и др.

*stovėjo [ant] viršaus kalno ir pirmiausiai pamatė saulės spindulių ž a r u s, užtai jis visas tokiais smailiais ž a r a i s pasišiaušęs; katriė gulėjo ant samanų, tiems minkštos vilnos* ‘Может быть, когда в первый раз солнце всходило, тогда где какое животное стояло или лежало, такие себе волосы и получило, как вот: еж стоял [на] вершине горы и первым увидел острые лучи солнца, поэтому он весь такой острой колючкой ошетинился; а у тех, кто лежал на мху, у них мягкая шерсть’ (Balys, III, 2002, 320, № 228; ŠLSA 1975, 124, № 194; см. LP, I, 14).

Здесь следует обратить внимание на игру слов, непосредственно связанную с самой идеей сказания. Нейтральное название игл ежа, ели и т.п. в литовском – *spyglỹs* (ед. ч.), а слово, обозначающее луч солнца (и луч вообще) – *spindulỹs*. В наших версиях употреблено (выделенное нами) слово *žāras*, имеющее весьма показательный набор значений. Во-первых, это то же самое, что и ж. р. *žarà* ‘(утренняя, вечерняя) заря, зарево, сияние’ (ср. рус. *заря*) (Фасмер, II, 81; Fraenkel, 1290). Во-вторых, *žarà* может также означать ‘горячий уголь’ или ‘искру’ (более употребительное слово того же корня – *žarijà*), что, в свою очередь, является вторым значением слова *žāras*. Примеры из «Словаря литовского языка» содержат указание именно на ‘луч’, если понимать последний как результат излучения, т.е. истечения света, огня: *Mačiau aitvarą visai ištisą lekiantį; iš jo pryskio tryško ugningi žarai* ‘[Я] видел летучего змея всего в полете, спереди из него хлестали огненные брызги’ (из былички, записанной в середине XIX в. в Малой Литве В. Калвайтисом); *Pradēm iš jos burnos ugnies žarai tvino* ‘Беспрерывно у нее изо рта огненные брызги вылетали’ (из былички, записанной В. Калвайтисом там же). В-третьих же, слово *žāras* может означать просто ‘шип (у вил, остроги и т.п.), прут, сухой стебель (на стерне), хворостину и т.п.’ (LKŽ, XX, 162-163)<sup>30</sup>.

<sup>30</sup> См. также: LP, II, 231, № IV.5 – и: IGVV 1988, 262, № 19; LT, IV, 634, № 706.

В латышском языке литовскому *žãras* соответствует *zars* (Fraenkel, 1290; Karulis 1992, 550) с основным значением ‘ветвь’, но также и ‘шип, зуб (вил, грабель и т.п.)’. Это слово, в свою очередь, появляется в описании образа лучей-ветвей с о л н ц а-дерева. Я. Курсите указывает, что во многих латышских дайнах лучи солнца описываются как ветви солнца (Kursite 1996, 74), например:

*Aiziet Saule laizdamãs,* ‘Прячется солнце при заходе,  
*Zelta zarus zarodama;* Золотыми ветвями ветвясь;  
*Dieviņ, dod tã zarot* Дай, Боже, также ветвиться  
*Ar' manam augumam* И моей особе’ (LD 18135).

*Kupla liepa, zelta zari* ‘Буйная липа, золотые ветви  
*Jũrmalã smiltienẽ,* В песку на морском берегу,  
*Galã sãd Saules meita,* На вершине сидит Дочь  
*Pate Saule pazaros* солнца,  
Само солнце под ветвями’  
(LD 33826)<sup>31</sup>.

Следовательно, образы (восходящего) солнца, его острых лучей и «шипов» ежа сливаются в одном слове, кодирующем указанный мотив. Добавим, что еж со своими иглами сопоставляется с солнцем и в Центральной Азии, и в Месопотамии, и в Южной Америке (HSD 1986, 97; Becker 1995, 72)<sup>32</sup>. Ср. также солнце Арэв в армянской мифологии, которому – наподобие литовского ежа, получившего в дар от Бога иглы для самозащиты, – «отец» дает «массу игл,

<sup>31</sup> Цит. по: Kursite 1996, 74.

<sup>32</sup> Ср. такие обобщенные утверждения, как: «Свернутый в колючий шар, он представлял собой аналогию с солнечными лучами» (Тресиддер 1996, 489); «Ввиду способности сворачиваться в колючий клубок символизирует солнце» (Jobes 1962, 742) и т.п. Иглы ежа иногда приравниваются к щетине кабана, другого символа солнца (Vries 1976, 246) – ср. выше сопоставление ежа со свиньей; «буряты считали ежа изобретателем огня» (Chevalier, Gheerbrant 1996, 489). В любом случае, источником огненной и солярной еимволики ежа, без сомнения, является его способность сворачиваться в клубок с торчащими иглами (Там же, 490).

чтобы он колот в глаза тому, кто будет на него смотреть» (МНМ, I, 112, s.v. *Арэв*).

Еще один известный аспект мифологии ежа – его связь с идеей плодородия. Мария Гимбутене (Гимбутас) говорит, что в археологических ископаемых доиндоевропейских культур Европы нередко «Богиня возрождения предстает в зооморфном образе, символизирующем матку. Это рыба, лягушка, *еж* и бычья голова» (Gimbutienė 1996, 159). В данном случае нас интересует именно еж. «Хотя ежа с его иглами не очень легко изобразить в глиняной скульптуре, в европейской иконографии он известен уже с V тысячелетия до н.э.: в культуре Караново, на территории Румынии и Болгарии [!], найдены вазы в форме ежа, крышки которых имели антропоморфные черты Богини. В более позднее время небольшие сосуды в виде ежа, фигурки ежа найдены в захоронениях микенской культуры XIV-XIII вв. до н.э., а также в греческих и этрусских захоронениях IX-VI вв. до н.э. Встречаются и большие глиняные кувшины *pithoi* в форме ежа, в которых найдены скелеты маленьких детей. В этом отражается синтез трех родственных символов – могилы, матки и ежа. Вплоть до XX в. в Альпах в могилу клали иглистые, выкрашенные в красный цвет шары [!], а женщины, имевшие проблемы с маткой, в костелах приносили их в жертву Деве Марии» (Там же, 189).

Такую точку зрения на основе данных латышского фольклора поддерживает и Я. Курсите. В подтверждение она приводит следующий отрывок из латышской сказки, (мотив, известный и в других традициях): *Vienam tēvam un mātei nebij neviena bērna. Reiz tie abi, aiz galda sēdēdami, runāja: «Kaut jele Dievs mums, mazākais, tādu bernīņu dotu, kā ezīti.» Tos vārdus izteicot, maza ezītis izlien no aizkrāsnes un saka: «Es esmu jūsu dēls!» Vecie pieņēma ezīti un izaudzina* ‘У одного старичка и старушки не было детей. Раз они оба, сидя за столом, разговаривали: «Вот чтобы Бог нам хотя бы такого ребеночка дал, как ежик». Только они эти слова произнесли, как из-за печки вылезает маленький ежик и говорит: «Я ваш сын!» Старички взяли ежика и вырастили’ (Kursīte 1996, 33).



Ср. в той же работе Я. Курсите: «Плод Великой первоматери в разных традициях, в том числе и в латышских сказках, предстает как в образе ежа, так и в образе лягушки, червя, жабы, зайца и т.п. Здесь, видимо, ребенок в виде ежа означает зародыш, который и после выхода из тела Великой Первоматери до окончания инициации еще связан с нею. В то же время еж, как представляется, мог бы символизировать и саму Первоматерь, ее вульву. В сатирических и нецензурных народных песнях шкурка ежа, еж, по всей видимости, имеет аналогичные ассоциативные связи:

*Anniņai īsi svārki,  
Eža ādu metināti;  
Cik ezītis pakustēja,  
Tik Anniņa stāvu lēca.*

‘У Аннушки короткая юбка,  
Шкуркой ежа скрепленная;  
Только ежик шевельнулся,  
Аннушка аж подпрыгнула’  
(LD 20509).

*Čigānelis sav mātīti  
Krūmu krūmus izvazāja,  
Kālab agri nesacēla  
Vecu ezi sutināt.*

‘Цыганок свою матушку  
По всем кустам истаскал,  
Почему [она] рано не встала  
Старого ежа парить’  
(LTdz 13912).

В свадебных песнях невесту нередко называли ежихой, замужних женщин — матерями-ежихами (буквально — матерями ежей, *ežu mātes*). В свою очередь, в крестильных песнях повитухе (она во время крестин, возможно, воплощала первоматерь — заступницу новорожденного) под голову клали шкурку ежа:

*Šķirat ceļu, rūmējat,  
Ezi veda istabā;  
Neba ezi vienu veda,  
Re, kur citas eža mātes!*

‘Прочь с дороги, разойдись,  
Ежа вводят в комнату;  
Неужели ежа вводят одного,  
Вишь, где остальные матери-  
ежихи!’  
(LD 18862)

*Es to savu nešu māti  
Mīļi vien uženāju:  
Ezīšam mīksta āda,  
To paliku pagalvī.*

‘Я со своей матухой  
Нежно обошелся:  
У ежа мягкая шкурка —  
Положил под голову’  
(LD 1639).

Место за печкой в представлениях латышей связано с женским производящим началом, недаром и в указанной сказке ежик вылезает из-за печки» (Kursīte 1996, 34).

Перечисленные мотивы можно попытаться связать воедино. Итак, с одной стороны, мы имеем ежа-участника творения неба и земли, точнее, земли, причем ежа может заменять черт (или еж может заменять черта). Повторим, что еж выступает в роли хтонического помощника Бога и/или его противника и соперника (независимо от оценочной интерпретации результатов совета ежа – гор и долин, появившихся на земле в результате ее сжатия), связанного с *низом*.

С другой стороны, выделяется солярная ипостась ежа и соответственно его связь с *верхом*. Примечательно, что в литовских сказаниях еж встречает восходящее солнце, стоя на горе, а горы, как мы уже знаем, появились на земле именно в результате его собственной деятельности. Следует напомнить, что солнце, по мифологическим представлениям, встает из-под земли – т.е. как бы рождается Матерью-землей. Далее этот чудесный плод Великой матери, красный иглистый шар, лучистый колобок катится клубком по небосводу – по склону космической Горы, на вершине которой еж, созерцающий солнце (преодолевая, так сказать, противопоставленность объекта и субъекта), сам отождествляется с солнцем<sup>33</sup>.

География «демиургического ежа» весьма обширна. Балканы и Балтия, соединены реально и экзистенциально *янтарным путем*, но этот путь имеет ответвления, ожидаемые и неожиданные. Так, в каталоге сюжетов, составленном Ю. Е. Березкиным, отмечены следующие «ежиные сюжеты», захватывающие обширные территории к востоку от балто-балканского ареала (Березкин):

---

<sup>33</sup> К образу катящегося ежа-солнца ср. в качестве аналогии древнеегипетского жука скарабея, катящего по песку пустыни свое яйцо-солнце.

## Кавказ – Передняя Азия:

*Ногайцы:* Люди, звери, птицы не знают, как собрать урожай; старик советует хану послать за Ежом, велит при нем не смеяться; молодежь при виде Ежа смеется, тот уходит; старик говорит, что Еж, рассердившись, говорит сам с собой; посылают Кошку, та неслышно подкрадывается, когда Еж говорит, как сделать железный серп; передает его слова хану, люди собирают урожай (Ногай 1979, № 3: 13-14).

## Волга - Пермь:

*Мари:* Юмо (верховный бог, демиург) указывает всем живым существам, каковы должны быть их особенности и повадки; собирает всех на совет; Еж приходит последним, спотыкается о порог, падает вниз головой; все смеются, обиженный Еж уходит; звери посылают Лису подслушать, что тот будет говорить; Еж бормочет, Пусть реки, дороги, изгороди, деревья, улицы в селениях будут кривыми, пусть лес будет кривой; все так и устроилось (Акцорин 1991, № 1: 26-30).

*Чуваши:* Тура созвал птиц и животных, чтобы придумать способ обработки земли; Еж опоздал, за ним послали Мышь; входя в собрание, он поскользнулся, упал, над ним стали смеяться; он обиделся и ушел, а только он знал, что делать; за ним послали Свинью; та подслушала, как он говорит, что надо иметь соху, борону, телегу (и т.д.); Свинья вернулась и рассказала; рассерженный на мышей, еж их ест, обиженная на ежа свинья ненавидит его (Егоров 1995, 130).

*Буряты:* Эсэгэ-Малан-тэнгэри женил сына и отвез его по этому случаю к невесте, но сын убежал, и каждый раз, как отец его отвозил, он убегал от своей невесты; ЭМТ хотел посоветоваться с Заря-Азарга (ежом) и послал за ним; когда ЗА поднялся на небо [!] и вошел в юрту, то дети неба стали смеяться над ним, и еж ушел на землю; тогда ЭМТ послал трех крылатых посланников подслушивать, что будет говорить ЗА; идет ЗА между быками и быки разбежались, увидев ежа, за это они были осуждены им вечно носить тяжести и быть под ярмом; подходит ЗА к табуну лошадей и лошади, испугавшись, разбежались, а ЗА

велел, чтобы с их головы не снималась узда, с шеи хомут, со спины седло и с ног путы, они будут возить человека и тяжести; по дороге ЗА рассуждал вслух: «Зачем ЭМТ не привезет невесту к сыну, тогда невеста не уйдет от жениха, жених же всегда уйдет»; узнав слова ЗА, отец неба стал приучать быков носить ярмо и возить тяжести, а лошадей к узде и седлу, а невесту сына взял и привез к сыну; с того времени буряты начали употреблять для своих нужд быков и лошадей, и установился обычай невесту отвозить в дом жениха, а не наоборот (Хангалов 1958а, 327).

*Кудинцы:* Эсэгэ-малан-тэнгэри и хозяин земли породнились между собою посредством брака своих детей; хозяин земли был в гостях у неба Эсэгэ-Малан-тэнгэри; при уходе домой попросил в подарок солнце к луну; ЭМТ не мог отказать; на земле стало темно; ЭМТ послал за Заря-Азарга, по последний был обижен насмешками 9 сыновей и 9 дочерей ЭМТ, которые смеялись над тем, что еж не ходит, потому что не имеет ног (?), а катается; ЗА ушел, по дороге выболтал свою мысль, которою и воспользовался ЭМТ; он пошел сам в гости к хозяину земли; «Что тебе подарить?», говорит хозяин земли; «Коня из весеннего отражения и стрелу из эхо»; Хозяин земли не мог исполнить просьбу, вынул из ящика солнце и луну и передал гостю (Хангалов 1958а, 328).

*Усть-кудинцы:* Высокое Небо (*ундэр тэнгэри*) за своего сына высватало дочь Широкой Земли (*улгэн дэлхэй*); Земля потребовала в калым за дочь Солнце и Луну, заперла их в ящик; на небе и земле стало темно; Небо не может придумать средство, как получить Солнце и Луну обратно; послало за мудрым ежом Заря Азарга, приказало своим 9 сыновьям и 9 дочерям не смеяться, когда тот войдет; ЗА не имел ног, катился по земле; сыновья и дочери, увидев его, не могли удержаться от смеха; ЗА рассердился, укатил назад; Небо послало Зайца, Косуленка, Горностая, Белку, Хорька подслушать, что ЗА будет говорить; «Пусть сыновья и дочери Высокого Неба спустятся на землю и сделаются хатами и онгонами; для того, чтобы вернуть Солнце и Луну, надо попросить у Широкой Земли Эхо леса и Мерцание воды; та не в состоянии поймать их, будет

принуждена отдать назад Солнце и Луну»; эти слова подслушал Заяц; в результате Небо получил светила назад, а его дети стали богами, заполнившими Саяны (Ханталов 1903 в Шаракшинова 1980, 34-36).

В каталоге Березкина эти сюжеты помещены в рубрику «Смех». С тем же основанием они могут быть отнесены к теме творения и особой роли всезнающего и всемогущего ежа, как и в балто-балканском ареале, являющегося помощником-соперником демиурга. Сходные демиургические сюжеты отмечены у вепсов (МЭКТЭ УрГУ)<sup>34</sup>:

*Бабушка-покоенка говорила, земли когда не было, было одно большое озеро, матерушше [‘большое, огромное’], больше Белого. Из его надь землю наладить. А люди не жили ишшо. Тоды приплыла матерушша ежиха – и ну на своём иголье землю носить. Носила-носила – такие как рёлки [‘песчаный нанос на дне реки, озера’] делались. На рёлках трава зарастала, кусты, дерёва, – всё как надо. Вот земля и сделалась. Земли-то больше стало, чем озера<sup>35</sup>.*

*Ежей в лесе мало нонь, а ежа надь сберегать. От ежей польза. Старики гуторили, быдто от ежей земля. Матерушший ёж был, он песку и глины носил иголками. Ему ежиха пособляла и ежонки. Насыпали они земли целу гору, а потом птицы летали, её носили<sup>36</sup>.*

Географическая и фольклорно-мифологическая пестрота космогонических сюжетов о еже (мы уверены, что

---

<sup>34</sup> Сообщено Е. Л. Березович, за что приносим ей глубокую благодарность. Записи сделаны на крайнем западе Вологодской области в Белозерском районе, где чересполосно проживали русские и вепсы. Вепсы на этой территории в значительной степени «русифицированы», являются, как правило, билингвами; вепским языком пользуются редко, исключительно в быту. Записи осуществлены 15 лет назад, когда «вкрапления» вепсов были единичны; сейчас, думается, этнических вепсов на этой территории уже нет. Оба информанта – русско-вепские билингвы.

<sup>35</sup> Деревня Коновалово, Белозерский район Вологодской области. Записано от А. И. Зубова на русском языке в 1987 г.

<sup>36</sup> Поселок. Мегринский, Белозерский район Вологодской области. Записано от Н. И. Тимофеевой на русском языке в 1987 г.

материал далеко не исчерпан<sup>37</sup>) сама по себе является основанием для включения этих сюжетов в контекст «перекрестков культур». И, конечно, напрашивается следующий шаг: источник, «перво-локус», первое появление ежа-демиурга. Где оно было?

Нас занимал прежде всего *янтарный путь* и то, как и насколько он объединял столь далеко отстоящие друг от друга и столь непохожие друг на друга в самых разных отношениях (и до весьма глубокого уровня) ареалы, соприкоснувшиеся друг с другом через *славянский* элемент, который, в свою очередь, исконно связан с *балтийским*. Но, как мы увидели, «территория ежа» значительно расширилась.

Как и сам еж, колючий колобок, покатился наш сюжет. В каком направлении? Двигался ли он с Балкан или от Балтии, по дороге набирая новое? С юга на север, чтобы объяснить жителям более «ровных» стран возникновение и структуру земного рельефа? Или с севера на юг, чтобы объяснить то же самое жителям горных стран и взойти над

---

<sup>37</sup> Ср. хотя бы следующие данные самого разного толка. Латышские: *Eža adatas palīdz dūrašņos (dūrājā)* ‘Иглы ежа помогают при коликах’ (LTT 1991, 382, № 6193); *Kad noauž murdu, tad jāieliek ezis murdā, lai zivis labāk ķeras* ‘Соткав вершу, надо в нее положить ежа, чтобы рыба лучше шла’ (Там же, 1295, № 21284); *Kad zobi sāp, tad tie jāsabada ar eža saru* ‘Когда болят зубы, их нужно исколоть шипом ежа’ (Там же, 2187, № 36162); *Dzīvam ežam jāizraujot sars un ar to jābaksta zobi. Tad zobi nekad vairs nesāpot* ‘Живому ежу надо вырвать шип и уколеть им зубы. Тогда зубы никогда больше не будут болеть’ (Там же, 2187, № 36163). Литовские: *Ežio taukai vartojami kaipo vaistas nuo ramato* ‘Ежиный жир употребляется как лекарство от ревматизма’ (Elisonas 1932, 151, № 1851); М. Гимбутене считает ежа одним из воплощений литовской ведьмы (*ragana*) (Gimbutienė 2002, 21, 56) и приводит следующую быличку: *Vieną naktį eina [moteris] – tvartas atdaras. Įeina. Ogi boba pasikubrinus melžia karvę, kuri buvo su pienu. „Nagi tu, Elžbiet, ką čia darai?“ Ta grįžt ir pavirtus ežiu. Kius, kius ir išėjo pro duris* ‘Однажды ночью идет [женщина] – хлев открыт. Заходит. А там баба согнувшись доит корову, которая была при молоке. «Ну же, Эльжбета, а ты что тут делаешь?» Та верть! – и обернулась ежом. Он шмыг, шмыг и вышел через дверь’ (там же, 58). В Древнем Египте еж был атрибутом Иштар (Тресидлер 1996, 489); еж в короне – эмблема Людовика XII (Jobes 1962, 742; Vries 1976, 246) и т. п.

вершинами гор в своей солнечной ипостаси? Или он прика-  
тился с востока? Или докатился туда? Сложно ответить, и  
пока мы только прикоснулись к теме. Но и не открывая ис-  
торико-географическое происхождение своей мифологии,  
еж приносит на своих иглах не одну «виноградину» из  
нашего «мысленного виноградника».

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аристотель 1999 – Аристотель. История животных. Москва, 1999.
- Белова 1999 – О.В. Белова. Славянский бестиарий. Москва, 1999.
- Березкин – Ю.Е. Березкин. Мифология аборигенов Америки и Сибири: Теоретическая классификация и распределение по ареалам. Тематический каталог // [www.ruthenia.ru/folklore/Berezkin/122\\_12.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/Berezkin/122_12.htm)
- Георгиева 1983 – И. Георгиева. Българска народна митология. София, 1983.
- Гранат 1900 – Настольный энциклопедический словарь Граната. Москва, 1900.
- Гура 1997 – А.В. Гура. Символика животных в славянской традиции. Москва, 1997.
- Даль 1955 – В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1, Москва, 1955.
- Екзарх 1981 – Йоан Екзарх. Шестоднев. София, 1981.
- Загадки 1968 – Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. Ленинград, 1968.
- Иванов 1970 – Й.И. Иванов. Богомилски книги и легенди. София, 1970.
- Иванов, Топоров 1973 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Труды по знаковым системам, VI, Тарту, 1973.
- Иванов, Топоров 1974 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Москва, 1974.
- Кербелите 2001 – Б. Кербелите. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этимологических, мифологических сказаний и преданий. Санкт-Петербург, 2001.

- Ковачев 1914 – И.Д. Ковачев. Народна астрономия и метеорология // СБНУ (Сборник за народни умотворения и народопис), XXX, 1914.
- Кузнецова – В.С. Кузнецова. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Гл. II // [www.ruthenia.ru/folklore/kuznetsova3.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/kuznetsova3.htm)
- Марковић 2004 – С. Марковић. Приповетке и предања из Левча. Београд–Крагујевац, 2004.
- МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах, I. Москва, 1980.
- МЭКТЭ УрГУ – Материалы этнографической картотеки Топонимической экспедиции Уральского госуниверситета: Екатеринбург, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания.
- НБ 2004 – Народная библия: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и комм. О.В. Беловой. Москва, 2004.
- НП 1992 – Народная проза / Сост. А.Н. Азбелева. Москва, 1992.
- ПЛ 1969 – Предания и легенды / Изб. и ред. К. Пенушлиски. Скопје, 1969.
- Разаускас, Цивьян 2004а – Д. Разаускас, Т.В. Цивьян. Еж в космогонических преданиях (балто-балканский ареал) // Перекрестки культур. Этноконфессиональные процессы в Балтийском регионе: взаимовлияния и дивергенции. Материалы международной конференции. Вильнюс–Друскининкай 3–6 мая 2004. Санкт-Петербург, 2004.
- Разаускас, Цивьян 2004б – Д. Разаускас, Т.В. Цивьян. Еж в мифологических преданиях (Балто-балканский ареал) // Tautosakos darbai XXI (XXVIII). Vilnius, 2004.
- БПШХД 1972 – Български притчи или пословици и характерни думи // Събр. от Петко Р. Славейков. София, 1972.
- СБ 1984 – Средневековый bestiарий / Статья и комм. К. Муратовой. Москва, 1984.
- СУС 1979 – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Ленинград, 1979.
- Тресиддер 1999 – Дж. Тресиддер. Словарь символов. Москва, 1999.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, II. Санкт-Петербург, 1996.
- Цивьян 1999 – Т. В. Цивьян. Движение и путь в балканской модели мира. Москва, 1999.



- Цивьян 2004 – Т. В. Цивьян. Роковой путь Колобка // Язык культуры: семантика и грамматика. Москва, 2004.
- Цивьян 2006 – Т. В. Цивьян. Странствия ежа по преданиям и традициям // Български фолклор, № 1, 2006.
- ЭС 1998 – Энциклопедия суеверий / Составители: Э. и М.А. Рэдфорд [английские суеверия]; Е. Миненок [русские суеверия]. Москва, 1998.
- Balys – J. Balys. Raštai, I. Vilnius, 1998; III. Vilnius, 2002.
- Becker 1995 – U. Becker. Simbolių žodynas. Vilnius, 1995.
- Biedermann 2002 – H. Biedermann. Naujasis simbolių žodynas. Vilnius, 2002.
- Chevalier, Gheerbrant 1996 – J. Chevalier, A. Gheerbrant. A Dictionary of Symbols. London, 1996.
- Eliade 1970 – M. Eliade. Le Diable et le bon Dieu: L'histoire de la cosmogonie populaire roumaine // M. Eliade. De Zalmoxis à Gengis-Khan. Paris, 1970.
- Elisonas 1932 – J. Elisonas. Mūsų krašto fauna lietuvių tautosakoje // Mūsų tautosaka / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius, V. Kaunas, 1932.
- Elisonas 1935 – J. Elisonas. Dievas Senelis: Pasakos apie negyvosios gamtos kūną, augalų ir gyvulių atsiradimą ir taip pat apie Dievą Senelį, kuris kitą kartą po žemę vaikščiojo ir žmones gyvenimo mokė // Mūsų tautosaka / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius, IX. Kaunas, 1935.
- Fraenkel – E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg–Göttingen, 1962–1965.
- Funk & Wagnalls 1949 – Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend / Ed. M. Leach. New York, 1949.
- Gimbutienė 1996 – M. Gimbutienė. Senoji Europa. Vilnius, 1996.
- Gimbutienė 2002 – M. Gimbutienė. Senovės lietuvių deivės ir dievai. Vilnius, 2002.
- HSD 1986 – The Herder Symbol Dictionary: Symbols from Art, Archaeology, Mythology, Literature, and Religion. Wilmette, Illinois, 1986.
- IGVV 1988 – Iš gyvenimo vėlių bei velnių / Surinko Jonas Basanavičius. Vilnius, 1988.
- Istrătescu 1928 – A. Istrătescu. Texte populare din județul Prahova // Grai și suflet III, 2, 1928.
- Jobes 1962 – G. Jobes. Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York, 1962.

- Karulis 1992 – K. Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca, II. Rīga, 1992.
- KAŽ 1986 – Kaip atsirado žemė: Lietuvių etiologinės sakmės / Sudarė ir parengė N. Vėlius. Vilnius, 1986.
- Kerbelytė 1977 – B. Kerbelytė. Sakmės ir padavimai apie pasaulio kilmę // Žmonės ir religija. Vilnius, 1977.
- KR 2003 – Kupolė rožė: Sekminių–Joninių papročiai ir tautosaka / Parengė N. Marcinkevičienė, L. Mukaitė, A. Vakarinienė. Vilnius, 2003.
- Kursīte 1996 – J. Kursīte. Latviešu folklorā mītu spoguļi. Rīga, 1996.
- LA 1979 – Der kleine Pauly. Lexikon für Antike, B. 2. München, 1979.
- LD – K. Barons, H. Visendorfs. Latvju dainas, I–VI. Jelgava–Peterburga, 1894–1915.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas, I–XX. Vilnius, 1956–2002.
- LP 2001–2003 – Lietuviškos pasakos / Surinko J. Basanavičius, I, Vilnius, 2001, II, Vilnius, 2003.
- LPT – Latviešu pasakas un teikas / Pēc Anša Lerha–Puškaiša un citiem avotiem sakopojis un rediģējis prof. P. Šmits, sējumi I–XV. Rīgā, 1925–1937.
- LT 1967 – Lietuvių tautosaka, IV: Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos. Vilnius, 1967.
- LTdz – Latviešu tautasdziesmas, I–III. Rīga, 1955–1957.
- LTR – Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
- LTT 1991 – Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / Sastādītāja A. Ancelāne. Rīga, 1991.
- MacLagan 1977 – D. MacLagan. Creation Myths. London, 1977.
- Metford 1983 – J.C. Metford. Dictionary of Christian Lore and Legend. London, 1983.
- Mușlea, Bîrlea 1970 – I. Mușlea, O. Bîrlea. Tipologia folclorului. București, 1970.
- Pamfile 1913 – T. Pamfile. Povestea lumii de demult. București, 1913.
- PSPO 1967 – Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos. Vilnius, 1967.
- Petriceicu–Hasdeu 1974 – B. Petriceicu, B. P. Hasdeu. Etymologicum magnum Romaniae. București, 1974.
- Раденковић 1996 – Љ. Раденковић. Симболика света у народној магији јужних словена. Ниш, 1996, 174–177.
- Razauskas 2001 – D. Razauskas. Dar kartą apie „sutvėrimą“: Papildoma „kūrybinės“ žodžio reikšmės argumentacija // Liaudies kultura, 2001, № 1.

- ŠLSA 1975 – Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai / Surinko M. Slančiauskas. Vilnius, 1975.
- Šmits 1926 – P. Šmits. Latviešu mītologija / Otrs pārstrādāts izdevums. Rīgā, 1926.
- Šmits 1940 – Latviešu tautas ticējumi / Sakrājis un sakārtojis Prof. P. Šmits. Rīgā, 1940.
- TPD 1929 – Teikas par Dievu 1929 – Teikas par Dievu. Izlase. Rīga, 1929.
- Vēlius 1987 – N. Vēlius. Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis. Vilnius, 1987.
- Vries 1976 – A. de Vries. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam-London, 1976.
- Vulcănescu 1985 – R. Vulcănescu. Mitologie română. București, 1985.
- Zaehner 2003 – R.C. Zaehner. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. London–New York, 2003.